

Сказочные стёжки Павла Гаврилова

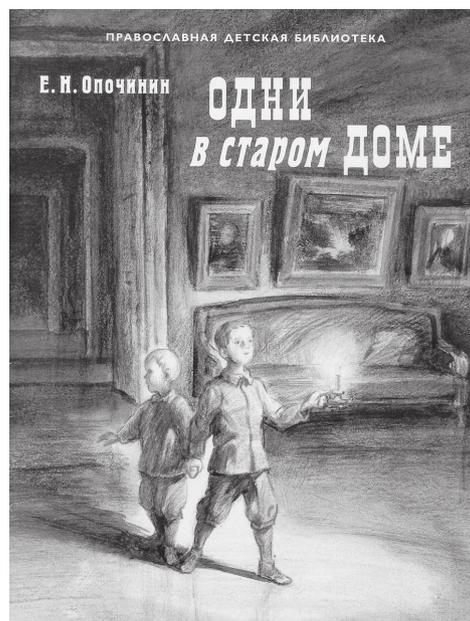
Работы рыбинского художника Павла Гаврилова запоминаются сразу и навсегда. По-детски улыбающиеся или так же по-детски насупленные маленькие ангелы (почему-то не хочется их барочно-слащаво называть «ангелочками»), солидно гуляющие самодостаточные коты, мыши, зайцы и прочие странноватые граждане, среди которых при желании найдётся даже райская птица Сирин...

Для художественного ландшафта славного города Рыбинска набор не совсем обычный. Сей волжский град веками сохраняет вкусы патриархально-консервативные, можно сказать классические. Пейзаж-портрет-натюрморт, а в последние десятилетия ещё и икона — вот традиционная точка приложения усилий большинства рыбинских художников, многие из которых и в означенных рамках до-

бились немалых успехов. Но, увы, Рыбинск, хоть уже не первое столетие созидает имидж «Петербурга Ярославской области», догоняя и подпирая губернский центр, но «культурной столицей» региона отродясь не бывал. Дарований в нём немало, но проблема с «потребителем». А уж тем более в такой области, как книжная иллюстрация... Хоть и наличествует в 200-тысячном городе целый букет издательств, до создания хорошей книги со специально созданными для неё качественными иллюстрациями дело доходит редко.

Вот и Павел Гаврилов работает в основном со столичными издательствами да столичными салонами. Он ведь отнюдь не только книжками занимается. Творчество Гаврилова находится где-то посередке разных видов-жанров искусства, всеохватное оно какое-то. Есть в его послужном списке и картины, и иконы, и открытки. Книжки, опять же, есть. И самые разные изделия, которые «сувенирами» назвать язык не поворачивается. Потому что сувенир в силу своей массовости, увы, всё больше ассоциируется с чем-то ширпотребным — мало того что китайским, так зачастую сусальным до пошлости. У Павла же и в самом простоватом ангелочке присутствует некое благородство и несомненная высокая эстетика.

Откуда что берётся? Павел не засекречивает свою биографию, но выдаёт её малыми дозами, в самых общих чертах, искренне недоумевая: какое отношение она имеет к его творчеству? Вроде как и верно: разве из его работ следует, что будущий художник родился и провёл первые два десятка лет своей жизни в украинском, ныне заграничном

Донецке — городе шахтёров и футбола? Я на всякий случай проглядел несколько сайтов. На сайте Донецкого художественного училища, которое Гаврилов закончил в 1981 году, размещены работы педагогов. Думаю, что-то родственное работам Павла можно увидеть в творчестве известного в Донецке художника и скульптора Георгия Боро. Однако творческий путь этого интересного мастера тогда ещё не начался — он немного старше Гаврилова.

— Нас в училище учили в основном оформительской работе, — поясняет Павел. — Рисунку и живописи пришлось почти что заново переучиваться в Питере.

В Санкт-Петербургском государственном академическом институте живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина (студенты для краткости зовут его просто Академией художеств) Павел несколько лет учился в мастерской знаменитого художника Евсея Моисеенко. Учился вольнослушателем: на вступительных экзаменах досадно подводило то сочинение, то история.

— Навёл я тогда на Киевскую Русь вместо Батыя аж самого Чингисхана, — вздыхает Павел о делах давно минувших дней.

Впрочем, в его профессиональной художественной подготовке у академических педагогов особых сомнений не возникало, и Павел наравне со студентами Е. Е. Моисеенко выполнял учебные задания, вы-

ставлял работы на просмотрах... Тогда мы впервые встретились, не подозревая, что четверть века спустя я буду писать статью о художнике. Просто мне на время сессии посчастливилось поселиться в общежитии на 3-й линии Васильевского острова. Посчастливилось, поскольку искусствоведам-заочникам общежития не полагалось, но суровое правило на сей раз удалось обойти.

Нашу «искусствоведческую» комнату и докомплектовали несколькими студентами мастерской Моисеенко. Из них запомнились двое. Это был парень, столь преданный своей мастерской, что представлялся всем как «Моисеенко 3-й курс», и остался он в моей памяти именно под таким именем. Надо отметить, что яркий талант Моисеенко подавил индивидуальность многих его учеников, не сумевших выйти из-под влияния знаменитого мастера. К Павлу Гаврилову это явно не относится, хотя... в какой степени он обязан именно Академии характерной графичностью манеры, сочетающейся с яркими, чистыми цветами, — вопрос из области сослагательного наклонения. Тогда же, в середине 1980-х, Павел запомнился мне не своими работами (которых я просто не видел, да и вряд ли они сильно выделялись среди учебных студенческих работ), а необычным малоросийским говором и какой-то редкостно простодушной манерой поведения, как я теперь из XXI века понимаю, предвосхищавшей его

будущее оригинальное творчество задолго до того, как оно началось.

Однако в конце 1988 года Е. Е. Моисеенко умер, и вскоре Павел покинул академические стены. Прошло ещё несколько лет, и он, точнее, уже семейство Гавриловых (его жена Лия Виснапу закончила в той же Академии искусствоведческое отделение), оказалось на Ярославской земле, а точнее — в Рыбинске. Оказалось, можно сказать, случайно, насколько всё случайно в этой жизни: знакомые предложили написать иконы для одного из восстанавливаемых рыбинских храмов... В итоге профессиональным иконописцем, несмотря на несколько лет работы в этой сфере, Павел не стал, а вот в Рыбинске остался. Надеюсь, навсегда.

Он пробовал — и пробует поныне — себя в самых разных жанрах. На заре XXI века в его жизни произошло почти одновременно сразу несколько судьбоносных событий, точную хронологию которых теперь уже, кажется, никто не сможет восстановить, и меньше всего — сам Павел, ставший в 2000 году членом Союза художников. Так, очень интересным и ярким оказалось его сотрудничество с популярными далеко за пределами Рыбинска фолк-музыкантами — Митей Кузнецовым и группой «Разнотравие». Павел много внёс в дизайн задуманного ими самобытного проекта «Каторга»: концерт развернулся в настоящее действо — над головами музыкантов раскачивались гигантские листья поздней осени, с потолка падала, а затем сгорала в багровом пламени огромная сеть. Художник стал также автором оформления нескольких CD-дисков, сайта группы (и даже сам попал в герои фольклорных баек-небывальщин, положенных в основу этого сайта; стоит отметить, что в этом контексте Павел смотрится абсолютно естественно и органично).

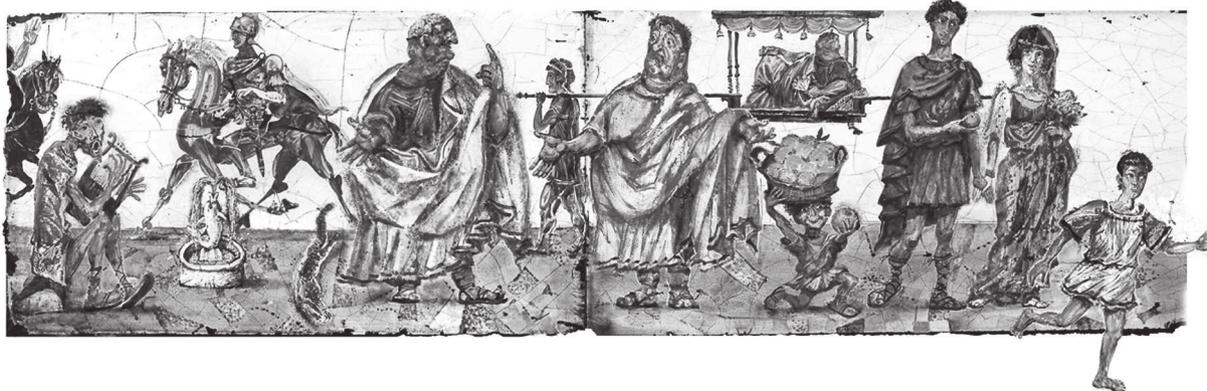
А вскоре им с супругой предложили принять участие в оформлении интерьеров нового здания Рыбинского кукольного театра. Лия вышивала занавес, а Павел мастерил деревянное панно для вестибюля: цветные фотографии работников театра оказались включены в сложную мозаику из многочисленных сказочных персонажей — от Трёх Поросят до Братца Кролика или, может быть, какого-нибудь Совсем Другого Зайца,

домиков и замков, символов, просто декоративных мотивов, выдержанных в едином стиле.

Практически в это же время Гаврилов начал сотрудничать как книжный художник-график с православным московским издательством «Отчий дом». Одна за другой выходили детские книги с его иллюстрациями: «Серебряная метель» В. Никифорова-Волгина, сборники рассказов «Честное слово» и «Добрые души», «Поход на Корсунь» Т. Шороховой, «Одни в старом доме» почти забытого ярославского писателя Е. Опочинина, «По святыням владимиросуздальским» М. Никольского...

Павел не очень любит большинство работ этого этапа: заказчики настаивали на том, чтобы книги были оформлены в строго реалистической манере, продолжая традиции середины XX века, — художник, вероятно, видел их совершенно иными. Мне как читателю и искусствоведу легче: я держу в руках книгу «По святыням владимиросуздальским» и вижу со вкусом подготовленное издание, хотя и в мягкой обложке, хотя и с явными бюджетными ограничениями, призванными сохранить приемлемой цену детской книжки. Но получилось, по-моему, очень хорошо: классические чёрно-белые иллюстрации за светящейся жемчужными тонами обложкой книги. Мир, вызванный из прошлого Павлом Гавриловым, формально следуя тексту о путешествии двух странников XIV века по Владимиро-Суздальской земле, отсылает к образам, использованным Тарковским в «Андрее Рублёве». Удачно «встроены» в ансамбль книги и обобщённо решённые инициалы с символическими изображениями стилизованных птиц, кораблей, сказочных цветов. Они будто предвосхищают следующий период книжной графики Павла Гаврилова.

Книга «Один из первых» про святого отрока Тарсиция (текст Н. Сафроновой), мученически погибшего за Веру во времена Римской империи, была задумана иначе. Заказчики не стесняли творческих замыслов художника, и он выполнил фризообразно вытянутые иллюстрации, напоминающие античные росписи христианских катакомб не только своим форматом, но и стилем, ху-

дожественной манерой. Павел нашёл оригинальный приём: изображения, прежде чем превратиться в «цифру» под бесстрастным лучом сканера, были написаны на старинном, белом (но не бездушно-белом, как лист офисной бумаги) изразце. Его поверхность, покрытая трещинками-кракелюрами и просвечивающая сквозь прозрачные слои краски, придала работе особую убедительность. Изменились и сами персонажи. Павел подчеркнул, заострил характеристики их образов, в гротесковых изображениях сытых злых язычников.

Ещё более удачной оказалась судьба книги «Св. Герасим и лев», выпущенной небольшим тиражом по инициативе рыбинского епископа Вениамина (Лихоманова). Изображение восточного монастырька в пустыне, населённой разными растениями-завитушками да забавными зверушками, также написано на поверхности кафельной плитки, на этот раз эмалево-гладкой. Выразителен и кроткий старец Герасим, и спасённый им лев, то трогательно кающийся (сожрал монастырского осла), то радостно несущий послушание (носить вместо покойного осла воду для обителю). Удивительно точное совпадение ясного, немного упрощённого — для детей — языка книги и такого же наглядного изобразительного языка её художественного решения.

В «Потешках», так и оставшихся неизданными, на смену пустыне пришла русская зима. Вроде бы, всё здесь знакомо и естественно. Память услужливо отсылает к Юрию Васнецову и другим замечательным иллюстраторам подобных текстов, но так — ассоциации лишь в первом приближении. Внимательно взглядевшись в рисунок, пони-

маешь: у Павла Гаврилова всё своё, собственное. Снег трансформируется в тканые дорожки, покрытые узорами снежинок, вечерние сумерки в избе созданы синим отпечатком ткани на кафельной поверхности. И герои уж точно все свои, любимые ещё со времён кукольного театра — круглолицые ребяташки, зайцы, коты... Собачка держит гусли совсем как музыкант Митя Кузнецов, ну да так, наверное, их и положено держать...

Продолжает эту линию творчества Павла Гаврилова «Сказка о ёлочке и её друзьях» Полины Орловой. Уже хорошо знакомые «гавриловские» птички-зайчики-ёжики разбежались по углам страниц, занявшись делами: от чаепития (мыши в норке на осенней странице) до примерки сапог (ёжик на странице зимней). Главные герои здесь — деревья Леса: скромная Ёлочка, украсившаяся игрушками на Новый год, дебелая красавица Берёза, тонкая конопатая Рябинка, а вот величавый Дуб, кажется, имеет отношение к... «кавказской национальности».

«Открываешь — и попадаешь в “правильное” сказочное пространство, и твоя душа — в детстве», — очень точно пишет об этой книжке журналист Марина Шиманская. А вот отзывы читателей о «Ёлочке» в интернете:

«Купила эту книгу скорее для себя, потому как очень понравились иллюстрации, а потом она стала одной из самых любимых дочиных (год и четыре мес.) книг». «Прежде всего книга интересна своими иллюстрациями, они сложные, необычные, каждый раз при рассматривании с ребёнком находим что-то новое, ранее не замеченное». «Исто-